

КОСТЕР В ЛЕСУ ОСЕННЕМ

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

...ОТСЮДА, с Захолмья, хорошо видна вся окрестность: долина с неширокими лесными полосами; села, белеющие сквозь легкую мглу; густо-зеленые озимые поля; на горизонте самолет, сверкнувший крылом при заходе на посадку, — до Уфы по нынешним меркам рукой подать...

Справа, сразу под горой, начинается Кляшский лес: сначала редкий, потом — плотный, непроезжий. Холодный ветер уже прошелся по деревьям, но листья на многих ветках еще держатся, не падают. Седоватый дымок стелется вдоль опушки, тает медленно, будто вехотя.

Приходят на память стихи: «Я запалил костер в лесу осеннем, и к своему огню зову я вас».

Их автор — рядом со мной. Мустафа Сафич Каримов — Мустай Карим. Народный поэт Башкирии, Герой Социалистического Труда. Мы знакомы давно, с 1947 года, с первого Всесоюзного совещания молодых писателей, много раз встречались позже. Но в его родных местах, в селе Кляш, что неподалеку от реки Демы, я впервые.

На гору мы поднялись после того, как побывали на месте отчего дома Мустая. Там теперь другие строения, все выглядит по-иному, и лишь несколько деревьев орешника напоминает о старом подворье. Тот, кто читал автобиографию Карима, наверно, без труда может представить себе, как все было: крестьянский дом, многолюдная семья; по вечерам все рассаживаются на кошке вокруг огромной деревянной чаши; разговоры взрослых о дневных трудах и заботах...

— И у этого орешника играл маленький Мустафа...

— Да, чаще всего с другом Асхатом, — как бы продолжая мои слова, произносит Мустай. — Нам хотелось понять, о чем журчит ручей или шелестят листья... Здесь же любил посидеть отец...

Поднимаясь на гору, мы проходили мимо железных ворот кладбища. Остановившись, Карим сказал о могиле с небольшой плитой:

— Здесь похоронен он, отец. Иногда меня спрашивают: «Почему не поставишь мраморный памятник? Память родителя не уважаешь?» «Отец, — отвечаю, — мне очень дорог. Но я уважаю его скромность и простоту — их всегда ценили в нем люди. Пусть и могила его будет такой же, как и у его односельчан». Так я думаю.

Иным и не может быть Мустай Карим. Ему, сыну крестьянина, по наследству переданы и скромность, и простота, и душевная расположенность к людям. Недаром и начинал он со стихов, лучшая работа добротой:

Буйной радостью со всеми
Поделиться я готов:
Пусть в сердца людей
прольется
Свежесть утренних цветов!

Вдумчивый читатель, надо полагать, чувствовал, что эта «буйная радость» еще не обещана пережитым, что она не опирается на душевный опыт, ибо им не обладал автор, тогдашний студент педагогического института. Но все было впереди.

Через год началась война.

На фронте ему довелось многое увидеть, испытать. Мужал воин, мужало его слово: «Опять в сплошных огнях и громах дорог стремительный разбег». Десятки городов и сел до сих пор отчетливо встают в его памяти. Мценск — особенно. Под этим городом двадцатидвухлетний лейтенант — связист Мустафа Каримов был тяжело ранен. Шальной осколок от фашистского снаряда рассек ему грудь, свалил наземь. Угрюмыми госпитальными ночами смерть не раз подкрадывалась к его койке, но в конце концов отступила. Настал срок — и дороги молодого офицера ушли на запад, к стенам Берлина.

О своей дальнейшей судьбе он рассказывает как о самом обычном, не стоящем особого внимания:

— Привез с войны две книжки стихов, два ранения и — следствие одного из них — туберкулез. Стихи напечатал, с болезнью обошлось...

Знаю, как «обошлось». Слышал не от Мустая — от жены его добрейшей Раузы Суфьяновны. Не дни, не месяцы, а почти три года выкарабкивался он из беды. Горестные обстоятельства сводили его со многими людьми, и далеко не каждый спешил к нему на встречу с распростертыми объятиями. Но умение докторов, теплые руки жены, забота истинных друзей (среди них — К. Симонов, А. Твардовский) поставили его на ноги. Мустай выдержал и это испытание — не только на физическую, но и на душев-

ную прочность. В сердце поэта не поселился недобрый холодок разочарования в людях, и потому так незамутнен его разговор с ребенком: «Когда разберешься ты в жизни, в добре и зле, не станешь, поверь, жалеть, что родился на земле».

...В центре села Кляш — обыкновенный колодец. Впрочем, нет, не совсем обыкновенный, о чем говорят вырезанные из жести строки: «Источник здесь поэзии Карима, и, не испив воды, не проходите мимо». В этом подсвеченном улыбкой двуступи — трогательная любовь жителей села к своему знаменитому земляку, образное определение кровной связи его с землею предков.

За стихами о тропинках детства, о матери, о любимой, за раздумьями о человеке-труженике — и родная поэту Башкирия, и вся страна наша под святым знаменем:

Его не запятнать
ни клеветой,
Ни подлостью, ни лостью,
ни изменой,
Оно победно поднято рукой,
Рабочей, трудовой,
обыкновенной,
С набухшею от напряжения веной.

В стихах Мустая Карима — судьба поэта, нашего современника, умеющего вглядываться в глубины жизни «и красным днем своим и черным днем...» Он меньше всего заботится об эффектной эпигеме, броской метафоре — ему дороже всего жизненная правда и мудрая простота слова. «Я думы сердца в песню перелю» — этому своему обету он следует неизменно.

На родине Мустая Карима душу его поэзии чувствуешь как-то особенно остро. Имею в виду не только стихи и поэмы. И проза, и драматургия его пронизаны поэзией, живы ею. Даже в письме к молодому автору чувствуется ее дыхание: «...Почае возвращайся в долины Юрюзани... Коси сено, мечи стога; зимой, утопая в сугробах, проберись в лес, руби дрова; вскочив на лошадь, лети без седла в степь. Поживи с людьми, которые дали тебе первые понятия о мире».

...Стоим на берегу тихого Акмана — озера, что полюбилось Мустаю с детских лет. И сейчас оно спокойно, приветливо; как и прежде, опрокинулись в воду замшелые у корней дубы да вязы; кричат где-то в дальних заливах запоздалые дикие утки... Тут хорошо думается о красоте, о поэзии...

— Когда подходили сюда, — говорит Карим, — почему-то вспомнились строки моего давнего друга Михаила Дудина, не раз здесь бывавшего: «И на стихи есть тоже мода, и у стихов — свои дела. Сама любовь, сама природа меня в поэзию вела». То, что сказал он о любви, о природе, и мне близко. Но вот о моде на стихи... Все-таки вряд ли мода и стихи — если они подлинная поэзия — связаны между собой. Ведь настоящее искусство — как хлеб насущный, как кислород в воздухе. А разве на них может быть мода?

— В московских книжных магазинах сейчас изобилие сборников стихов, — срывается у меня с языка.

— Да, и мне приходилось видеть. Думаю, что чаще всего это стихи безличностные. Из них не узнаешь, какими радостями радуются, какие боли переживают авторы. Как будто ни на что они не гневаются, ни над чем не задумываются. Интересно ли читать такие стихи? А вот книги того же Дудина или Расула Гамзатова? Стихи таких мастеров искренни, достоверны, они трогают всех людей. Как современно, скажем, у Расула звучат вечные темы — любовь, дружба, долг, верность! В его стихах всегда бьется живая поэтическая мысль...

И Мустай произносит наизусть раздумчивые гамзатовские строки...

Поэтическая мысль в произведении самого Мустая Карима чужда банальности и легковесности. Неспроста она подолгу вынашивается, отстаивается в сердце художника. Так, годы не давала ему покоя судьба Салавата Юлаева, прежде чем появились первые наброски пьесы о легендарном сподвижнике Емельяна

Пугачева. Поэт создал характер мужественный и трагический. Его Салават, всего себя отдавший борьбе за народное счастье, не может доживать свой век кое-как, в презренных цепях «доползает» до могилы. Мысленно простившись с далекими башкирскими степями, он, закованный в кандалы, уходит в море. Величие и бессмертие народного духа прославляет поэт, ибо солнце тоже уходит, чтобы снова подняться над землею...

Глубоко своеобразна и трагедия «Не бросай огонь, Прометей!» Поэт по-своему подошел к древней легенде. Его интересовало отношение людей к мечте, к предвидению будущего. Подвиг Прометея, добывшего землянам бесценный дар, не сразу был по достоинству оценен ими. Художник вскрывает один из конфликтов человеческого прогресса. Прометей в трагедии Карима открывает людям глаза на самих себя, на их силу и красоту, высокое предназначение в мире добра и зла.

Во многих театрах — наших и зарубежных — поставлены спектакли по пьесам Мустая Карима «Страна Айгуль», «Похищение девушки», «В ночь лунного затмения». В этом году ленинградский журнал «Нева» опубликовал его новую работу — притчу в двух действиях «Пеший Махмут». Произведения разные, но они объединены позицией художника-гражданина, утверждающего в человеке высокие нравственные принципы, чувство своей ответственности за жизнь — сегодняшнюю и завтрашнюю.

— Чем меня привлекает драматургия? — повторяет мой вопрос Карим. — Пожалуй, тем, что рождает ее поэзией, — драматичностью. Ведь истинная поэзия всегда драматична. Кое-кто говорит: вот, мол, раздваивается — и лирические стихи пишет, и пьесы. Но я не раздваиваюсь — живу поэзией. Может, отсюда идет и то, что не умею закручивать пружину драматического сюжета. Как и в стихах, в моих пьесах основная нагрузка — на слово. Тут встаю на сторону Сергея Есенина: в связи со своей трагедией «Пугачев» он говорил, что слову в театре должна быть отведена главная роль. Конечно, речь идет о слове — носителе значительной мысли. А так — и за перо не стоит браться...

Сам он берется за перо только тогда, когда есть что сказать.

В октябре 1943 года на Днепротропольщине он узнал о горе украинской женщины: ее дочь фашисты угнали в Германию. Молодой поэт был потрясен переживаниями матери, себя чувствовал виновным в ее несчастье. В тот вечер в его фронтовом блокноте появилась «Песня невольницы». «Стихотворение это далеко не совершенное, — признавался Мустай позже. — Но его нельзя было не написать».

Той же внутренней необходимостью продиктована повесть «Долгое-долгое детство». Писатель смотрел в давно минувшее с расстояния прошедших лет, перед глазами было все пережитое. И оттого емко и поэтичен каждый образ книги с ее удивительными завершающими словами о матери: «...Больше восьмидесяти лет прошло, а она о своем детстве, о том, которое босиком по снегу бежало, плачет. Не ребячество ли? Наверно, ребячество. А в ребячестве — чистота».

...В правлении кляшского колхоза «Дим» его председатель Зуфар Муллаянов вручил гостям по новой книге Карима «Четыре времени любви». Во время беседы я раскрыв сборник, и взгляд упал на заголовок «Песня костра». Стихотворение о костре, что поэт запалил в лесу осеннем: «Пускай вас греет он теплом своим, пусть свет его не расстается с вами».

Добрые слова не могут не отзываться в сердце тех, кто их прочтет. Они рождают ответное благодарное чувство.

Так ведь и есть: костер поэзии Мустая Карима виден всюду, и его свет, его тепло — с людьми надолго.

С. КОШЕЧКИН.

(Спец. корр. «Правды»).
Башкирская АССР.